

Заключительное слово С.С. Сулакшина

Смешанные у меня ощущения от состоявшейся дискуссии. Мне очевидно, что прошедший семинар — это своеобразная модель акта деятельности российской гуманитарной науки в лице ее ярких представителей. Что, собственно, мы изучали и в докладе диагностировали. На обсуждение была вынесена задача, мы в итоге к чему-то пришли. К чему же мы пришли и по какой причине? Я полагаю, что мы к ЭТОМУ пришли, я сейчас дам ЭТО в определении, именно по тем причинам, которые я пытался в своем докладе акцентировать. Мы, действительно, с В. Межуевым остались оппонентами, несмотря на то, что он предложил способ мирно разойтись. Мы говорим о разном. Не просто говорим о разном, у нас разные подходы, у нас разные научные обязательства, которые мы продемонстрировали. Вадим Михайлович говорит: у оппонента (т. е. меня) есть право определить гуманитарную науку так, как я это и сделал. Это не мое право! Это моя обязанность, как исследователя, как ученого, как лица, которое на 3 часа приковало ваше внимание. Я попросил вас потратить ваше время, и это моя обязанность дать стартовое определение, чтобы все остальное выстраивалось не по принципу «в огороде бузина, а в Киеве дядька». Говорим о чем угодно, расплываемся куда угодно, забыли, с чего начали, не утрудили себя это *обязательство* исполнить, а именно, определить, о чем же мы говорим? Все остальное без этого становится просто некорректным. Больше того, это становится неэтичным в дискуссии. Потому что, все-таки, ученые люди, они, в том числе, и культурные люди. Я абсолютно поддерживаю пафос Вадима Михайловича, когда он начинал с предельно обобщенных подходов к поиску ответа на вопрос, что такое есть гуманитаристика. Стартовая дефиниция — это культура отношений. Но какая же это культура, когда в нашем макетном эксперименте, берите больше, масштабнее, в очень больших исследовательских проектах высоко ученые люди и институты проводят целую дискуссию 15-летнюю, череду

симпозиумов, которые, говорят днями, говорят годами, а потом спрашивают себя: «О чем же мы говорили?» Ах, оказывается, мы говорили о вещах, которые по-разному называем и тем более, по-разному понимаем. Ну и какова цена научному продукту, интеллектуальному, познавательному, консультационно-рекомендательному в результате такого «огорода» и такой «бузины»? Вот мы и получили и (в этом сегодня мое интеллектуальное творческое счастье) в ходе семинара замечательную иллюстрацию той попытки системной диагностики, которую я пытался сделать. Кстати, я тщетно силился услышать в дискуссии контраргументы, контрдоводы в той диагностической системе координат, которую предложил для обсуждения. Я их не услышал. И в этом тоже мое счастье, т. к. я понял, что предложенная диагностика, системология, предложенный принцип не опровергнут, как минимум. Может быть, он будет опровергнут в более детальной дискуссии.

Но сегодня этого не случилось.

Второе, на что хотел бы отреагировать, и это для меня тоже очень симптоматично. О тезисах в дискуссии. Замечательная была иллюстрация. В чем был контртезис? «Ну, как же вы так нашу гуманитарную науку размещали в одной кастрюле. Ну да, там прикладная наша жизнь гуманитарно-научная с 14.00 до 18.00, она не получается по разным причинам, зато фундаментальная у нас с 9.00 до 14.00 замечательно осуществляется. Не надо, мол, все в кучу мешать».

Но я же шел с идеей одновременного двумерного критериального пространства. Наука (см. рис. 2 в тексте доклада) одновременно характеризуется двумя точками, но познавательным, объяснительным или фундаментально-теоретическим потенциалом. Вот эта проекция, вот эта характеристика на вертикальной оси. Но одновременно существует и прикладной или преобразовательный потенциал у науки. Нельзя при этом разделить наше существование — до обеда в прикладниках, после обеда — в представителях фундаментальной науки. Это, извините, уловка, которая показывает, что российская гуманитаристика не набирается смелости

осуществить саморефлексию, как это А.В. Дмитриев признал: «давайте все-таки осознаем — гуманитаристика в кризисе». В кризисе. А способом себя утешить, оправдать свое творческое существование, одним из них, — и есть вот это — разделить функции науки. Но не разделяется. Если мы поднимаемся в своем объяснительном, познавательном, теоретическом, фундаментальном потенциале, то тем самым мы даем вот это горизонтальное разрешение, мы даем шанс на прикладную миссию, прикладной потенциал. И наоборот. Если мы хотим его получить, мы обязаны подняться в познании. А вот если мы без знания хотим преобразовать — «сказку сделать былью», как это делала советская гуманитарная наука, то мы этим можем вообще на нулевом уровне заниматься, как этим занимался Лысенко.

Поэтому я очень благодарен участникам семинара, выступившим в дискуссии. Больше всего, Вадиму Михайловичу, который своим докладом подвел меня к очень большому пласту размышлений, в том числе саморефлексии. Всегда хочу понять, что же я такого величественного, мистического, такого неуловимого, интуитивистски-чувственного сказал, что даже невозможно выразить в определении? Не могу понять. Мне кажется, что и невозможно того понять, если никто не утруждает себя дать определение, о чем мы говорим! Что мы там ищем? Каким мы способом этого достигаем? Что мы в итоге хотим получить?... Процесс ради процесса. Мне кажется, что у научного работника, исследователя, ученого, интеллектуального производителя знаний есть еще и обязательства перед обществом. Он не только любопытствует, удовлетворяет свое внутреннее стремление к познанию, но еще обязан сделать что-то для своего общества, для своей страны. А если эта обязанность есть, то про преобразовательный потенциал науки забывать никак нельзя. А то так и будем в огороде с киевским дядькой бузиной довольствоваться. Вместо науки. Которая, я настаиваю на этом, есть вид человеческой деятельности с познавательным и преобразовательным потенциалом.